

М. Ф. ТЕРЕБИХИН
И. А. ШВАРЁВ

Рассказы о прожитом

М. Ф. Терехин

Рассказы о прожитом

«Издательские решения»

Теребихин М. Ф.

Рассказы о прожитом / М. Ф. Теребихин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749159-8

Большинству людей известны биографии своих отцов, но все ли знают, как жили, чем занимались их деды и прадеды? Читателям предлагаются рассказы двух ветеранов, которые видели окружавшую их действительность до революций 1917 года, при Гражданской войне, в период социалистического строительства и в тяжкую пору войны с европейскими фашистами.

ISBN 978-5-44-749159-8

© Теребихин М. Ф.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Рассказы о прожитом	7
В царской армии	8
Февральская революция	15
В школе прапорщиков	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Рассказы о прожитом
М. Ф. Терехин
И. А. Шварёв

© М. Ф. Терехин, 2016

© И. А. Шварёв, 2016

Литзапись Ю. И. Шварёв

Корректор А. И. Сергиенко

Корректор Е. Ю. Жегульская

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Предлагаю любителям мемуарных изданий воспоминания моего тестя Михаила Федоровича Терехихина 1891 года рождения и моего отца Ивана Андреевича Шварева 1900 года рождения. Оба они – простые, безвестные, как и миллионы их сверстников, представители поколения, которое прошло через опустошительную Гражданскую войну, через трудные годы социалистического строительства и еще не считалось постаревшим к началу Великой Отечественной войны.

Отец сам исписал много тетрадок, чтобы рассказать о прошлом своим детям и внукам. Мне оставалось только подправить грамматику и в некоторых местах стиль его записей.

Воспоминания тестя написаны по его рассказам, рассуждениям, пожеланиям. Увлечлись задуманной работой и просиживали с ним целые вечера. Он говорил, отвечал на вопросы, давал пояснения, а я, что успевал, записывал. Его память подкреплялась военным билетом, наградными и другими документами, старыми фотокарточками. В 1989 году Военное издательство Министерства обороны СССР готовило рассказы Михаила Федоровича к публикации, запросило для иллюстраций фотографии, но потом дело застопорилось, а в феврале 1992 г. рукопись и фотографии мне вернули «в связи с упразднением военно-мемуарной редакции». Обстановка в стране изменилась – воспоминания советских стариков стали в Москве не нужны.

Тесть не дожил до своего 100-летнего юбилея три с половиной года, похоронен в Воронеже в 1987 году. Отец прожил 78 лет, скончался в Архангельске в 1978 году.

Пусть эта книжка будет скромным памятником двум рядовым строителям и защитникам первого в мире Советского социалистического государства.

(Все мои произведения читатели могут использовать по своему усмотрению бесплатно).

Юрий Шварёв

Рассказы о прожитом М. Ф. Теребихин (литературная запись Юрия Шварёва)

У меня десять внуков – школьники и взрослые. Появились и правнуки. Приезжая в гости, внуки просят: «Дедушка, расскажи еще что-нибудь о прошлой жизни». И я, что помню, рассказываю. Интерес детей и молодых людей к прошлому понятен: им хочется знать, как мы жили тогда, когда их еще и на свете не было. Вот я и подумал: а не рассказать ли и другим то, что я рассказываю своим внукам? Тем более, что муж моей дочери взялся записывать мои воспоминания.

О том, как рабочие, солдаты и крестьяне устанавливали Советскую власть и дрались за нее в годы Гражданской войны, как строили социализм и защищали Родину от фашистских захватчиков, написано много книг. Но события минувших десятилетий настолько сложны и противоречивы, что их история, мне думается, еще не скоро будет раскрыта до конца.

Моя фамилия мало кому известна. В революционные и военные годы я занимал в общем строю весьма скромное место – был обычным краскомом на фронтах и командиром запаса в мирные годы. Мой общеобразовательный кругозор не позволяет мне давать каких-либо обобщающих картин, увязывать виденное своими глазами с происходившими в стране изменениями. Я не занимался и изучением архивных документов. Весь мой архив – моя память. Годы неумолимо идут вперед, и пока мой памятный «архив» еще жив, он, возможно, кому-то и пригодится.

В царской армии

Начну свой рассказ с сентября 1915 года, когда меня призвали на военную службу. Мне было в то время 24 года.

Раньше в моей жизни ничего, представляющего для читателя интерес, пожалуй, не было. Родился в небольшой лесной деревне Христофорово Сольвычегодского уезда Вологодской губернии (теперь в Архангельской обл.). Занимался сельским хозяйством в доме родителей. За два года до империалистической войны женился на девушке Ольге, тоже крестьянке. Перед самой войной у нас родился сын Петр, а с осени 1915 г. мы уже ждали второго ребенка. При мобилизации меня не призвали, поскольку у отца других сыновей не было, и я считался единственным кормильцем в семье. Но в 15-м году царю, видимо, потребовались дополнительные ратники. Беременная жена с малышом-сыном, стареющие родители и незамужние сестры остались в деревне без меня.

Пасмурным осенним днем мы приехали на подводах в Сольвычегодск. Перед конторой воинского начальника собралось десятка четыре таких же невеселых, понуривших головы новобранцев, как и я. Плакали детишки на заляпанных грязью телегах и дрожках, всхлипывали женщины, молчаливо топтались под сыпучим мелким дождиком призванные мужики. В дверях конторы появился военный чиновник и, не выходя из-под крыши над крыльцом, сказал нам речь. Он говорил, что нас поставили под ружье для охранения веры, царя и Отечества от германских и австрийских неприятелей, которые предали Христа и служат сатане-дьяволу. После его заключительных слов: «Либо грудь в крестах, либо голова в кустах!» – провожавшие нас женщины заголосили громче детей. Нам было велено идти на пристань, куда через час-полтора должен подойти пароход.

Сколько раз после этого приходилось еще прощаться в Сольвычегодске с родными и направляться вниз по Вычегде неизвестно куда и на какой срок! И каждый раз на пароходной корме было тесно от людей, тоскливо глядящих в сторону родных мест. И городские, и деревенские, и новобранцы, и бывалые фронтовики, прикрывая редкими словами или ухарской шуткой волнение и тревогу, дымили сигарками до тех пор, пока не скрывались из глаз вначале пристань, а потом тонкая, чуть погнутая грозовой молнией игла знаменитого Строгановского собора.

Нас доставили в Котлас, а там посадили в железнодорожные теплушки и повезли в Вязьму. Это был первый мой военный маршрут и первая в жизни поездка по железной дороге. Знакомились в дороге с ополченцами, призванными из прилегающих к Котласу уездов и волостей. У многих дома остались жены с детьми.

В Вязьме всех сольвычегодских зачислили в 252-й запасной стрелковый полк. В этот полк прибыло много и других северян, уроженцев Архангелогородской, Вологодской и Вятской губерний.

Какова была служба в полку? Тяжелая была служба, особенно в первые месяцы. Мы жили в постоянном страхе перед вышестоящими чинами: не прозевать бы вскочить «во фронт», не прогневить бы унтера выправкой, угодить бы офицеру на учении в поле, не получить бы замечания на молитве. За любую промашку новобранца ставили на час-два каменеть «под ружье».

Наше положение облегчалось тем, что полком командовал культурный и добрый человек, полковник Волчанский. Было ему в то время лет под шестьдесят. Старослужащие говорили, что он запрещает командирам грубости с нижними чинами и что даже наказывает тех, кто в обращении с подчиненными допускает рукоприкладство. Я не раз слушал его беседы с сол-

датами. Он рассказывал о делах на фронте, о храбрых и смекалистых героях боев, держался просто и непринужденно, при случае мог и пошутить, вспомнить что-нибудь смешное из полковой жизни.

Полной противоположностью сдержанному и пожилому Волчанскому был его молодой заместитель подполковник Малышкин, как будто и назначенный на должность для того, чтобы создать в полку некое равновесие между добром и злом. Этот был, что называется, собака собакой. Не один новобранец познал на себе крепость его кулака, хотя официально всякие телесные наказания в армии царь запретил еще в 1904 году. Жаловаться на Малышкина командиру полка никто не смел.

Не лучше Малышкина был и командир нашей роты, красавец лицом и фигурой поручик Ольхин. Он казался мне чуть ли не сумасшедшим. Мы не слышали от него ни одной фразы без матерщины и грубой ругани. На занятия он приходил с кожаной плеткой на коротком, изукрашенном резьбой черенке. Замешкаешься, допустишь неловкость при выполнении команды – бьет, вроде как играючи с тобой, по рукам, по ногам, по спине. Поручику подражали и некоторые унтер-офицеры. Особенно ненавистен нам был один командир отделения, которого Ольхин обычно ставил у чучела при обучении штыковому бою. Этот человек с натурой садиста вместо того, чтобы тренировать нас нападению и защите, наносил обучаемым такие неожиданные и коварные удары, которые мог отразить только опытный боец. Наши синяки, ссадины, ушибы от его деревянного «штыка» вызывали у унтера радостный гогот. Улыбался и довольный Ольхин. Изувера отстранили от занятий только после того, как он выбил глаз одному молодому солдату.

От напряжения и страха мы избавлялись только в короткие часы послеобеденного и вечернего отдыха, во время чистки оружия да на хозяйственных работах. Тут наши души словно пробуждались. Были и шутки-прибаутки, и веселые сказки-бывальщины, и смех, и песни. Молодость есть молодость, ее не приглушишь ни бранью, ни плеткой.

Приходили в часы досуга и тоскливые минуты. Второй год шла война. У некоторых солдат погибли на фронте братья. Печальные вести о смертях, болезнях, бедности и нужде приходили и из родных мест. В роте у нас было всего десяток-полтора грамотных солдат, а меня считали одним из тех, кто пишет письма «душевно и складно». Поэтому приходилось постоянно читать полученные товарищами письма и писать ответы. Болью и людскими страданиями были пропитаны многие полученные из деревень листки. У моего соседа по нарам дома пала корова, дети остались без молока. У другого солдата старики-родители взяли у старосты в долг под урожай пуд ржи, а этот пуд семье из четырех едоков надо было растянуть на остаток зимы и на все лето.

После рождественского праздника в ротах прошел слух, будто солдат с городским образованием направят в школы прапорщиков¹. У меня было такое образование. Отцу моему, Федору Ивановичу, очень хотелось «вывести в люди» единственного сына! Семья у нас была небольшая, жили в достатке. Отец каждую зиму занимался извозом, мать и сестра ткали на станке льняное полотно не только на себя, а и на продажу. Словом, один из всей нашей Никольской волости я после приходской трехлетки учился четыре года в Сольвычегодске и окончил городское училище. Семья вполне благосклонно относилась к тому, что работы в домашнем хозяйстве я исполнял только во время каникул.

Слух подтвердился. Почти все солдаты с образованием были отправлены из полка на учебу. Я испытывал обиду: почему обошли меня? Грамота есть, рост и выправка – хоть в гвардию, здоровьем господь не обидел. Товарищи добродушно посмеивались: «Не тужи, Михайло! Выучился бы на офицера, кто бы землю пахал, бабу да ребят кормил? Война кон-

---

¹ Прапорщик – первичное офицерское звание в царской армии, соответствует званию младшего лейтенанта Советской Армии.

чится – прапорщиков по домам распустят, тебе так и так дорога к сохе да к топору». А мне в то время «выбиться в офицеры» очень хотелось! В мечтах рисовал картины возвращения после войны домой прапорщиком или даже поручиком в форме, в ремнях, с крестами на груди. Эти мечты подзуживали меня, не давали покоя.

Напоминать о себе начальству я не посмел, а узнать причину, по которой остался в полку, не терпелось. Завязал знакомство с одним пожилым солдатом, писарем из штаба. Узнал, что он любит выпить, пригласил его в праздничное воскресенье погулять и хорошенько угостил в трактире. Он под великим секретом и выдал мне «служебную тайну»:

– Неблагоденный ты, Миша-дружок! Бумага в штабе есть. В деле пришта. . .

На следующей неделе, уже трезвым языком, писарь подробно пересказал содержание этой бумаги. Написана она была в канцелярии вологодского губернатора и говорилось в ней, что согласно донесению урядника Никольской волости Верховцева меня не следовало относить к числу «благоденных верноподданных» царского престола. Злополучная бумага не только удивила, но и изрядно напугала меня. Я чувствовал себя так, будто меня подозревают в измене и трусости. Отзыв губернаторской канцелярии показал мне облик Никольского урядника, с которым до службы вполне мирно встречался не один раз. Он оказался перестраховщиком и карьеристом – в чрезмерном усердии выискивал «политических» и там, где их не было.

Политикой в юности и молодости я совершенно не интересовался и похвалиться теперь хоть каким-то участием в революционных делах не могу. В Сольвычегодске тех лет жили политические ссыльные. В 1909—1911 годах там отбывал ссылку и И. В. Сталин. Во время учебы я слышал о «крамольниках», выступающих против царя. Слышал, что ссыльные устраивают тайные сходки, в которых принимают участие и некоторые местные жители. Но все это совершалось далеко в стороне от моих забот и интересов. Закончив учебу, я вернулся в свою деревню и впрягся в хозяйственную работу вместе с отцом. А когда женился, какие-либо мысли о дальнейшем образовании мне вообще в голову не приходили.

Правда, начитавшись кое-каких книжек, я в 1912 году уговорил группу крестьян из своей и соседних деревень Христофоровского прихода создать потребительское общество. Собрали паевые взносы по 3—4 рубля, в церковной сторожке оборудовали магазинчик и начали торговать скобяными изделиями, мылом, нитками, спичками и прочей нужной в деревне мелочью. За товарами ездили в город по очереди, по очереди и торговали в дни церковных служб. Заниматься торговлей одному никто не согласился – у каждого хватало забот в своих хозяйствах. Капитала мы не нажили, но люди, особенно женщины, были нашим обществом довольны. Не надо было за мелкими покупками ездить самим в Никольское и в Сольвычегодск. Когда началась война, оказалось, что нам нечем выплатить паи мобилизованным мужикам. Пришлось разделить по паям имевшиеся в наличии товары, и общество распалось.

Незадолго до войны на мое имя раза три приходили по почте написанные от руки листки. В них рассказывалось о доходах царской семьи и о том, как царь с царицей расходуют немислимо огромные суммы денег. Скорее всего, посылал эти прокламации кто-то из моих однокашников по училищу, но написаны они были человеком неглупым. Тексты забавные, с прибаутками и словечками, понятными деревенскому жителю. Я не скрывал этих листков от соседей и знакомых. Смеялись вместе, дивились числом растрчиваемых золотых рублей, но озлобления к царской семье письма не вызывали. «На то он и царь, – посмеиваясь, говорили мужики, – всей России хозяин. С миру по пятаку – царю миллион».

Затея с потребительским обществом да еще полученные листки, вероятно, и дали уряднику повод для донесения о моей «неблагоденности». А на самом деле я в душе был предан и царю, и вере, и Отечеству.

В феврале 1916 года наш полк был переведен из Вязьмы на станцию Быково под Москвой, а еще через некоторое время его передислоцировали в Ростов-на-Дону. Там меня зачис-

лили в учебную команду, после службы в которой я получил звание младшего унтер-офицера². Вернулся командиром отделения в свою роту, которой по-прежнему командовал драчливый и крикливый поручик Ольхин.

---

² Унтер-офицерские звания царской армии соответствуют нынешним сержантским воинским званиям.

Он встретил меня с откровенной неприязнью, но унтеры в ротах были больше связаны с командирами взводов, а нашим взводом командовал прибывший после ранения из госпиталя сорокалетний прапорщик Василий Харитонович (фамилию не помню), строгий, но справедливый и порядочный человек. При нем Ольхин свою плетку держал за голенищем, в ход не пускал.

Шли месяцы, многие мои прежние сослуживцы оказались в действующей армии, а меня на фронт почему-то не отправляли. Все время терзала мысль о бумаге из Вологды: не верит мне штаб, считает крамольником. От этого чувствовал какую-то свою неполноценность. Для моего душевного спокойствия было бы лучше, если бы выпивоха-писарь не проболтался о той бумаге.

В ротах появилось много прибывших после ранений фронтовиков. По казарме подули какие-то свежие ветерки. Солдаты довольно смело высказывались о наших неудачах на фронтах, говорили о шпионах в штабах и открыто проклинали вшивую окопную жизнь. Фронтовики как бы приоткрыли перед нами завесу прежних толкований о войне, за которой спрятаны были все жестокости и вся грязь империалистической бойни. Офицеров и особо ретивых в службе унтеров критики войны опасались, при появлении их возле курилок прикусывали языки. Ходили слухи, что где-то целую группу солдат предали суду «за вражескую агитацию».

В Ростове я впервые услышал про большевиков, но тогда еще говорили о них шепотом и не всегда с одобрением. Мне, по правде сказать, тоже не нравилось, что большевики выступают против войны. Казалось, что выступать против войны, когда на фронтах идут сражения – это измена. Такая позиция большевиков мне стала понятной намного позже после общения с более грамотными в политическом отношении сослуживцами. В Ростове же я узнал и то, что не все революционеры одинаковы, что есть разные партии, которые борются с царской властью вроде бы заодно, но добиваются совершенно разных целей. Но все эти сведения, услышанные в откровенных беседах и жарких спорах в укромных уголках, не могли еще рассеять моей политической слепоты.

Мы, необстрелянные унтер-офицеры, относились к рядовым солдатам-окопникам с нескрываемым почтением. Это не нравилось поручику Ольхину. За проступки фронтовиков он наказывал и провинившихся, и их командиров отделений: «Раз у вас такая дружба, идите, почистите ротный нужник на пару. Солдат пусть выгребает, а ты, Терехин, чтобы стоял все время рядом и нюхал ароматы». Не скажу, как другие, а я постоянно чувствовал ненависть ко мне зловредного поручика. Ободряла только поддержка взводного командира, Василия Харитоновича.

В конце 1916 года, не знаю уж по чьему повелению, меня вдруг перевели в команду вольноопределяющихся³. Когда уходил с вещами из роты, Ольхин с издевкой сказал:

– Иди, лапоть вологодский! В вольных тебе самое место. Какой ты, к черту, унтер? Ни скомандовать, ни отmaterить солдата не умеешь.

Мне поручили занятия по огневой подготовке в учебной команде полка. В штабе, по видимому, учли, что я отлично стрелял из винтовки и хорошо знал устройство станкового пулемета «Максим». Иногда нас, «вольных», привлекали к проведению занятий и в ротах. В эти дни вместо привычных «ты», «братец», а то и просто «олух» я впервые услышал обращение офицеров ко мне на «вы». Это меня смущало, приводило в замешательство и в то же время приятно щекотало самолюбие. Как же! Из деревенского «быдла» шагнул к господским сословиям!

В команде вольноопределяющихся люди были образованные и стояли ближе к политике, чем солдатская масса. Вечерами в помещениях, где мы жили, нередко возникали весьма опасные по тем временам разговоры о бестолковости царя и его министров, о мошенниках и казно-

---

³ Вольноопределяющиеся – добровольцы царской армии с высшим или средним образованием, несли службу на льготных условиях: свободный выход в город, освобождение от строя и др.

крадах в армии, о рабочих забастовках и крестьянских бунтах в губерниях. Упоминали о придворном старце Григории Распутине, с ухмылками говорили о его интимных связях с самой царицей. Но и здесь толковых пояснений о происходивших в стране событиях я не слышал. Все суждения носили характер раздраженного брюзжания, обличения тех или других личностей, возмущения разными беспорядками и напоминали скорее не серьезные споры, а перепевание всевозможных слухов и догадок. Был, правда, в команде один паренек из студентов, будто бы состоявший в какой-то тайной партии.

Что касается меня, то я по-прежнему оставался в социальных и политических вопросах совершеннейшим профаном, хотя критику властей и непристойные байки про царскую семью слушал теперь и воспринимал всерьез, без былого крестьянского равнодушия.

К началу 1917 г. в голове у меня был полный сумбур. Я успел потерять прежнюю веру не только в незыблемость и извечную законность царской власти, но и усвоенную с детства веру во всемогущество господ-бога. И ум и сердце под влиянием окружающих людей постепенно освобождались от былой религиозности. Вера в бога считалась в нашей «вольной» команде вроде как не совсем приличной для просвещенного общества. Тот, кто не мог порвать с молитвами, с осенением себя крестом перед едой, стеснялся этого, старался скрыть от товарищей свою набожность. О соблюдении каких-либо постов и церковных таинств в команде вообще не вспоминали. Здесь снял с груди свой нательный крестик и я. Снял, но не выбросил, еще больше года носил его с собой в нагрудном кармане. Вера в бога оказалась живучее, чем вера в царя...

Признаться, потеряв старые идеалы и еще не успев приобрести новых, я внутренне не чувствовал себя ни хуже, ни лучше. Вопросы человеческого бытия в больших масштабах меня в то время не очень-то волновали. Служил, исполнял, как мог, свои обязанности и ждал очередных перемен в судьбе.» В тылу – так в тылу, на фронт – так на фронт. Только поскорее кончилась бы война да вернуться домой, к жене, детям, родителям, сестрам, к своему хозяйству.

Побывать дома, хоть на денек, очень хотелось! От Ольги, которая была неграмотной, приходили написанные чужой рукой стандартные письма с поклонами от всей деревни. Она растила двух сыновей, вместе со стариками тянула нелегкое хозяйство. Порой тоска по родным угнетала так сильно, что политические разговоры сослуживцев прямо-таки раздражали, выводили из себя. В такие вечера я уходил в солдатские казармы, чтобы встретиться с немногими еще остававшимися в полку земляками. Вести из родных мест интересовали меня больше, чем сообщения петроградских и ростовских газет.

Февральская революция

О феврале 1917 года у меня в памяти сохранилось какое-то неопределенное впечатление. Перед этим мы слышали о рабочих забастовках, в полку несколько солдат было арестовано «за политику». Но нам все это не казалась настолько серьезным, чтобы ждать падения царской власти. Вероятно, главные предреволюционные события, происходившие в столице, скрывались от нас. Однако в полку как-то сразу резко снизилась дисциплина, участились самовольные отлучки солдат в город. Фронтовики вечерами собирались в большие группы, никого не подпускали к себе и о чем-то спорили.

Заговорили о возможном восстании против правительства и в нашей команде.

– Ничего из этого не выйдет, – рассуждали одни. – В пятом году что получилось? Теперь тем более баррикады бесполезны. Фронт от Петрограда не так уж далеко. Двинут казаков, солдат с пушками и пулеметами – какие баррикады устоят?

– Пушки-то у солдат, их можно в любую сторону повернуть. Посмотрите на наших фронтовиков, будут они в рабочих стрелять? – говорили другие.

– Наши не будут – других найдут. Армия большая.

И вдруг – известие: Николай отрекся от престола!

Потом еще известие: царя совсем никакого не будет! Ни Николая, ни его братьев! Свобода! Воспрянь, Россия! В столице у власти Временное правительство из революционеров! В те дни и князя Львова называли революционером. Казавшийся нам молчаливым студент-эсер прицепил к шинели красный бантик и начал выступать на солдатских митингах. Его слова о свободах и передаче помещичьих земель крестьянам слушателям нравились. Солдаты ликовали. Разговоры, споры, сияющие радостью лица.

– Кто говорил, что Николашку никакой силой не скovyрнуть? Скovyрнули!

Хватит с нас, натерпелись!

– Теперь скоро и войне конец. Это все они, Николашка да старец Распутин затеяли. Теперь жди замирения...

И новые, уже местные, вести и слухи. В Ростове застрелился какой-то генерал. Застрелился адъютант нашего командира полка, всегда чистенький и подтянутый поручик. Куда-то исчез злока-подполковник Малышкин. Убыли в другие части наиболее ненавистные солдатам офицеры, в их числе оказался и поручик Ольхин со своей плеткой. Однако большинство офицеров, как в штабе, так и в ротах, осталось на своих местах.

Полковник Волчанский надел парадную форму и вывел полк на городскую площадь. Там уже стояли другие части гарнизона. Офицеры – в парадном, солдаты – в стройных рядах. Площадь запружена народом. Был митинг. Выступавшие взахлеб говорили о долгожданных свободах. Все нам нравилось, все были довольны происходящими событиями. Казалось, что началась какая-то новая, сказочно-радостная жизнь, что вместе с рухнувшим царским треном уйдут в прошлое все людские несчастья, беды и страдания. Велика психологическая сила подобных митингов! Мы стояли на площади, как заколдованные, и с готовностью принимали на веру каждое слово.

В связи с такими огромными переменами в жизни империи каждый из нас ждал таких же больших перемен и для себя. Каждый надеялся, что теперь-то его помыслы и желания начнут наконец сбываться. Особенно страстно ждали мы конца войны и возвращения по домам. Солдаты надеялись вернуться в свои деревни если не к посевной, то к сенокосу, отправляли родным бодрые письма. Занятия в учебной команде продолжались, но будущие унтер-офицеры уже меньше интересовались устройством пулемета и тренировками по его использованию в бою. «К чему она нам, эта смертоубойная машина? – говорили они. – Царя-то из-за войны и сбросили, замирение будет. Мы на фронт так и так уже не попадем». Занятия тоже превраща-

лись порой в своеобразные митинги. К политике потянулись все – и грамотные и неграмотные. Коллективные мечты о скором мире захватили и меня. Постоянная неодолимая тяга к семье, к родным лесам и полям заслоняла собой все, мешала думать о чем-либо другом.

Но проходили дни, недели, и постепенно прояснялось, что наши надежды на скорое возвращение к семьям были преждевременны. Побурлив водоворотами и пенным разливом митингов, революция в Ростове улеглась, армейская служба потекла по старому руслу.

– Чтобы закрепить победу над самодержавием, надо разбить внешних врагов и закончить войну победой. От своего царя избавились, так разве теперь можно становиться на колени перед немецким царем-кайзером? – убеждали солдат офицеры.

Война продолжалась. Как и до революционных митингов, наш полк готовил и поставлял пополнение в окопы. Разговоры о демобилизации пресекались как шпионские и предательские. В ротах то и дело проводились политические беседы. Устраивались новые митинги со знаменами и оркестром. Приезжали какие-то комиссары, на все лады расхваливали Временное правительство и его «народных» министров. И опять мы верили выступавшим ораторам. Думали: и верно, какая же революция, если немцы и австрийцы захватят Россию?

В апреле меня вызвали в штаб полка и вручили предписание. Мне следовало убыть в Одесскую школу прапорщиков. Заикнулся было об отпуске перед учебой, но вручавший предписание усатый штабс-капитан только махнул рукой: «Не то сейчас время, чтобы в отпусках разгуливать. Не придешь в Одессу в указанный срок – пойдешь под суд».

В школе прапорщиков

Было похоже, что в Одесской школе прапорщиков февральская революция ничего не изменила. Преподавательский и командный состав остался там старый, учебная программа действовала прежняя. Остался тот же строгий строй по ранжиру, те же юнкерские погоны на суконных гимнастерках.

Но так казалось на первый взгляд. Уже через несколько дней мы, прибывшие на учебу из разных гарнизонов и госпиталей, увидели, что за сохранившимся в школе внешним лоском прячутся те же порочные для армии слабости, которые наблюдались и в линейных частях. Юнкера и солдаты обслуживающих подразделений уже успели отвыкнуть при общении с офицерами от «благородий» и в разговорах со старшими по званию допускали неслыханные раньше вольности. Послушные в строю, на городских улицах солдаты не торопились отдавать честь поручикам и капитанам. Офицеры были вежливы и предупредительны с подчиненными. Брань и оскорбления нижних чинов рассматривались как «посягательство на революцию». Во всем чувствовался показной, демонстративно выставляемый на всеобщее обозрение демократизм. Начальство старалось как-то приглушить революционные настроения людей, повести их за собой по нужному для господ руслу.

Фронтные нужды в младших офицерах заставили командование и набор в школу проводить по упрощенным «демократическим» принципам. Вступительных экзаменов мы не держали – было бы образование и необходимая военная подготовка. Состав юнкерских рот набрался весьма пестрый. В одном строю стояли и холеные дворянские сыновья, и мужиковатые унтеры, и юные первогодки, и побывавшие на фронте дядьки с «георгиями» на груди.

Столь же пестрыми были юнкера и по политическим воззрениям. Я к этому времени уже слышал кое-что об основных российских партиях, хотя разбираться в их программах у меня не было никакого желания. В нашей роте верховодили чаще всего сторонники кадетской партии. Они во всю превозносили своего министра иностранных дел Милюкова. Были в роте эсеры. Были и заядлые монархисты, которые доказывали, что без царского престола Россия неминуемо погибнет, раскрошится на мелкие республики, как крошилась на удельные княжества древняя Русь. По-моему, было в роте и несколько большевиков. Двоих, видимо, по созвучию фамилий, я запомнил: железнодорожного инженера Арешко и фронтовика Полешко. Правда, большевиками они себя не называли, но, судя по их высказываниям и по той вражде, какую питали к ним кадеты, это были противники Временного правительства. Немало пришло в школу и таких юнкеров, как я – без каких-либо политических убеждений.

Частые митинги и споры проходили в школе шумнее, чем в полку. Политика занимала столько места, что порой из-за нее срывались занятия на целый день. Выступает кадет – призывает к одному, за ним выходит эсер – говорит свое, берет слово Арешко – громит предыдущих ораторов. На скамейку выскакивает еще один агитатор и называет Арешко предателем, которого надо бы расстрелять перед строем. Иногда дело доходило до драки, и мы, «нейтральные», разнимали противников, успокаивали их, утирали разбитые носы, давали закурить. Трудно было разобраться во всей той мешанине мыслей, мнений, призывов, которая обрушивалась на наши головы.

Большинство офицеров от участия в митингах уклонялось. В разговорах с юнкерами и солдатами многие, пожимая плечами, уходили от острых вопросов. К нам некоторые преподаватели и командиры, играя в революционный демократизм, относились чуть ли не как к коллегам, на полевых занятиях за городом вели себя панибратски, об уставах и служебной субординации забывали.

Однако оставались и такие офицеры, которые, несмотря на своеобразие и шаткость обстановки в стране, хранили верность долгу, проявляли взыскательность и строгость, требовали от нас исполнительности, подтянутости и дисциплины.

– Вы будущие командиры революционной армии, – говорили они нам. – Готовьтесь достойно исполнять свои обязанности по защите свободного Отечества. Анархия и беспорядок – враги свободы. Если вы и на фронте начнете митинговать, пруссаки скажут вам спасибо! Пусть о политике думают политики, а мы люди военные, наше дело – воевать до полной победы.

Этих строгих, по-настоящему верных новой власти офицеров мы недолюбливали за приверженность к «старо-режимным придиркам», но уважали их больше, чем тех, которые вместо занятий играли с нами в карты или укрывшись со взводом в кустах, убивали часы пустой трепотнёй и пошлыми анекдотами.

В целом же воинская дисциплина в школе прапорщиков весной и летом 1917 года была, конечно, весьма слабой. В город и к морскому берегу мы уходили совершенно свободно, не опасаясь патрулей – юнкеров они не останавливали. Занятия пропускали, находя для оправдания лени множество причин. Офицеры вместо наказаний за проступки чаще прибегали к увещаниям и угрозам отчислить из школы с отправкой на фронт.

Не успели мы проучиться двух месяцев, как командование школы объявило запись добровольцев на фронт. Желающим убыть в действующую армию обещали досрочно присвоить звание прапорщика, выдать комплект офицерского обмундирования и денежное вознаграждение. Желающих нашлось немного. В нашей роте из 120 человек вызвались идти добровольцами на фронт юнкеров 8—10, остальные воевать не торопились. Меня в это время тоже уже не тянуло к воинским подвигам – больше хотелось закончить учебу да побывать дома.

Школу построили на плацу. Добровольцев из всех рот в новеньком снаряжении поставили под знамя впереди строя. Были произнесены горячие патриотические речи, высказаны поздравления и напутствия. Гремел оркестр. На медных трубах и золотых погонах новоиспеченных прапорщиков сияло жаркое солнце.

Прошло несколько недель, и некоторых из торжественно отправленных на фронт добровольцев привезли в Одессу убитыми в боях. Так же торжественно и с почестями их хоронили на городском кладбище. И опять на трубах, игравших печальные мелодии, сияло яркое южное солнце. Это были жертвы большого и, как говорили позже, бесплодно-кровавого июньского наступления русской армии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.